

УДК 81'272

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА РЕВОЛЮЦИОННОГО МИРА В ДНЕВНИКЕ И.А. БУНИНА «ОКАЯННЫЕ ДНИ»

Т.В. Сафонова

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и литературы
e-mail: safonova76@mail.ru

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

В статье рассматривается одна из значимых проблем современной лингвистики – роль языковых репрезентантов в формировании индивидуально-авторской картины мира. В свою очередь, данное понятие анализируется в аспекте общих вопросов корреляции категорий «картина мира – языковая картина мира – индивидуально-авторская картина мира». Актуальность и новизна исследования во многом обусловлена попыткой автора объяснить специфику художественной картины мира историческим контекстом. Материалом для исследования послужили дневниковые записи И.А. Бунина «Окаянные дни», явившиеся следствием авторской интерпретации и оценки переломной эпохи в жизни русского общества начала XX века. Посредством сплошной выборки, количественно-статистического метода, анализа словарных дефиниций, приемов концептуального и компонентного анализа, моделирования индивидуально-авторской картины мира удастся выявить семантические доминанты, важные для реализации авторской интенции. В качестве ведущих в структуре языковой картины мира И.А. Бунина выделяются тематические поля «цвет», «звук», «внешность и поступки человека», «ценности». Семантический анализ языковых единиц, составляющих отмеченные поля, а также анализ смысловых связей между ними позволяют говорить о том, что ключевым репрезентантом исследуемой картины мира является мифологема «ад».

Ключевые слова: языковая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, поле «цвет», «звук», «внешность и поступки человека», «ценности».

Введение.

Как известно, термин «языковая картина мира» (ЯКМ) был впервые использован в 30-ые годы XX века Л. Вайсгербером, при этом обязан он своим появлением философской концепции языка В. фон Гумбольдта, возникшей еще в начале XIX века. Несмотря на столь длительную историю существования понятия, интерес к нему не угасает. В отечественной лингвистике, в частности, следует упомянуть работы Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, Г.В. Кубряковой, В.А. Масловой, Н.Ю. Шведовой и многих других. Актуальность исследования ЯКМ, с одной стороны, объясняется характером современной научной парадигмы: «изменением ценностных ориентаций в образовании и науке; гуманизацией и гуманитаризацией науки как специфичной чертой научного познания конца XX века; усилением человеческого фактора в языке, обращением к

проблемам формирования и развития языковой личности, вниманием к языку как социальному фактору национальной идентификации, как средству укрепления языковых контактов, приводящих к сопоставлению, наложению разных языковых систем и выявлению специфики национальных языков и национального мировидения» [Самойлова 2007: 281].

С другой стороны, сложная феноменологическая сущность, многоаспектность понятия ЯКМ по-прежнему оставляют множество нерешенных вопросов. Это прежде всего касается выработки единого определения ЯКМ. В настоящее время под ЯКМ понимается «зафиксированная в языке и специфичная для данного языкового коллектива схема восприятия действительности», «определенный универсальный и в то же время национально специфичный способ восприятия и организации (концептуализации) мира, в котором выражаемые значения складываются в единую систему взглядов (коллективную философию), которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 39]; «выработанное вековым опытом народа, осуществляемое средствами языковых комбинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира. В своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов» [Шведова 1999: 15].

По-прежнему вносятся коррективы в решение проблемы соотносительности понятий «картина мира» – «концептуальная картина мира» – «языковая картина мира». Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, например, в своих исследованиях говорят о делении картины мира на концептуальную и языковую, при этом последняя не может отразить все разнообразие первой [Кубрякова 1988: 144-146]. Ряд ученых полагают, что любое противопоставление концептуальной и языковой картин мира неуместно «ввиду формальной разноплановости, разнонаправленности этого термина». «Термин «языковая картина мира» указывает на то, что носителем картины мира является язык, тогда как термин «концептуальная картина мира» указывает на то, из каких элементов складывается указанный гносеологический объект» [Гончарова 2012: 397].

Аксиоматичным в настоящее время является утверждение о множественности картин мира и соответственно разнообразии ЯКМ, образующих в своем пересечении общее, инвариантное, глобальную сеть, матрицу одновременного представления и познания мира. «ЯКМ, являясь инвариантом, представляет собой систему фрагментов (частных ЯКМ) –

этнического, территориального (регионального), социального, индивидуального, отражая восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определенной территории (региона), социума, как личностью» [Климкова 2007: 12].

Это утверждение определяет перспективы дальнейшего изучения проблем национального и универсального, коллективного и индивидуального, стабильного и динамичного в ЯКМ, типологии ЯКМ и выработки единых принципов их реконструкции.

Одной из важнейших составляющих национальной ЯКМ является авторская картина мира – «специфическая форма мировосприятия, выступающая как альтернатива реальному миру, представляющая собой результат внутренней работы автора» [Бахтин 1986: 211], реализованная в художественном тексте/текстах посредством языковых единиц и их комбинаций, как узуальных, так и исключительно авторских.

Материалы и методы.

В данной статье поставлена задача реконструкции части ЯКМ одной из самых противоречивых эпох в истории России – эпохи революции, периода, ознаменовавшегося поистине трагическими событиями, расколовшими общество на два противоборствующих лагеря. Многими происходящее трактовалось в контексте пусть и болезненного, но необходимого рождения новой страны, другие же воспринимали революционные преобразования не только как личную драму, но и как катастрофу в национальном масштабе. Различные картины эпохи нашли свое отражение в ярких художественных образах. Материалом для исследования в нашем случае послужили дневниковые записи И.А. Бунина «Окаянные дни». В качестве основных методов использованы методы сплошной выборки, количественно-статистического, компонентного и концептуального анализов, приемы моделирования индивидуально-авторской картины мира.

Результаты.

В дневнике И.А. Бунина звучит идея обреченности мира, автор создает звуковые, зрительные образы надвигающегося Апокалипсиса, объясняя происходящее сменой парадигмы ценностей на сломе эпох. Поскольку, по признанию многих ученых, лингвоспецифичными репрезентантами ЯКМ являются лексические единицы, в данной статье наше внимание обращено, прежде всего, к данным лексики. С точки зрения частотности и смысловой нагрузки можно выделить ряд ключевых слов, позволяющих писателю раскрыть данную мысль. В свою очередь, реализация их семантического и символического потенциала невозможна без целого ряда элементов-актуализаторов, важных для организации смыслового плана анализируемого текста. Устойчивое объединение, повторяемость данных элементов позволяют выделить в дневнике

И.А. Бунина определенные тематические поля, создающие в своем единстве картину революционного мира.

Обсуждение результатов.

Одни из самых частотных слов в цветовом поле произведения лексемы «темный», «темнота» в значениях ‘отсутствие света, освещения’, ‘темное или плохо освещенное место, пространство’ [Ожегов 2018: 1165]. Насчитывается около 32 случаев употребления, например: *«Но вот тихий переулок, совсем темный», «Улицы темны», «Встаю и иду через темную гостиную и темную залу в прихожую», «Грязная темная погода», «Вечером почти весь город в темноте»* и др. Таким образом, пространство в романе практически лишено света, показательно здесь и использование авторского «могильно-темна»: *«Ехать жутко. Никитская без огней, могильно-темна»* [Бунин 2018: 22].

Необходимо выделить и лексему «красный» – 32 примера употребления. Нейтральное вне контекста, в дневнике слово приобретает отрицательную коннотацию, чему способствуют особые условия сочетания с другими единицами. Конкретизация оценки происходит за счет распространения данной лексемой просторечных и грубо-просторечных слов: *«мужик в красной телячьей шапке», «босьяк с винтовкой на веревке через плечо – красный милиционер»*; слов с негативной семантикой: *«красное зарево пожара», «лежит в красном гробу»*; в составе метафоры: *«в мокром асфальте жидкой кровью текут отражения от красных флагов»*. Закрепившаяся в советскую эпоху символика красного (красный флаг, Красная Армия, красноармеец) – цвет крови трудящихся – в дневнике И.А. Бунина посредством частотности лексем «кровь» и «кровавый» получает прямое означивание. Красный явно коррелирует с кровавым – все пространство произведения буквально заполняет цвет крови, важна здесь роль фразеологизмов и метафор, семантика которых основана на гиперболе, например: *по колено в крови, выкупаться в крови, потоки крови, пьяны от вина и крови, потопим в крови*.

При этом ключевым, на наш взгляд, стоит признать слово «мрак» и производное «мрачный», в силу их смысловой емкости. Значение слов аккумулирует в себе и семантику «темный», «мрачный», «красный», «кровавый», «черный» и пр., поскольку мрак – это и есть темнота, а мрачный – ‘темный, погруженный во мрак’, ‘наводящий грусть, безрадостный, угрюмый’ [Ожегов 2018: 555], ср., например: *«мрачный вечер «первого мая», «по темному мрачному городу»*; но также мрак – это и безысходность, отчаяние, ужас, хаос, например: *«... день и ночь живем в оргии смерти. И все во имя «светлого будущего», которое будто бы должно родиться из этого дьявольского мрака», «выйдет такой мрак,*

такой хаос, нечто до того грубое, слепое, бесчеловечное...» [Бунин 2018: 36-37, 98].

В зрительном ряду автору весьма важна портретная характеристика героев эпохи, например: *«Лица у мужчин, все как на подбор, преступные»; «Все они сплошь резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всему и всем»* [Бунин 2018: 54]; *«А в красноармейцах главное – распушенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает шевелюр»* [Бунин 2018: 71]; *«паскудная старушонка с яростно-зелеными глазами»* [Бунин 2018: 118]. Как видно из примеров, И.А. Бунин дает персонажам исключительно негативную оценку, можно сказать, что степень неприятия новых лиц здесь достигает наивысшего предела – отсюда и авторские *«угрюмо-холуйский», «яростно-зеленые»,* и несвойственная его стилю в целом обценная лексика (*«вмешалась какая-то намазанная сучка», «оборванный, тощий, паскудный и вдребезги пьяный», «сволочь паскудная»*).

При обобщении портретных характеристик в качестве ключевых выделяются лексемы *«отталкивающие», «пугающие»,* получающие в дневниковых записях конкретизацию посредством всех вышеуказанных единиц.

Средства номинации поступков героев эпохи также встраиваются в поле *«пугающие» – «ужасающие»,* о чем свидетельствуют в первую очередь глаголы и отглагольные образования со значением 'лишить жизни': *«в тот же момент убиты», «разбили голову», «пропоролы вилами бок», «кинулись убивать какую-то женщину с ребенком», «умертвил своего отца», «мирных людей расстреливали», «расстреляли 600 сестер милосердия», «расстреляно 18 контрреволюционеров», «расстреляно еще 15 человек».* Собственно лексема *«убить»* и ее производные встречается в тексте дневника около 30 раз, *«расстрелять» – 18.*

Эти единицы составляют часть одного из главных семантических полей дневника, доминантой которого является слово *«смерть».* Насчитывается около 22 случаев употребления отмеченной лексемы. Наиболее показательны в качестве экспликации авторского замысла примеры употребления слова в составе гипербол и развернутых метафор: *«в тысячелетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздно толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев»* [Бунин 2018: 59]; *«Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование»* [Бунин 2018: 62]; *«За смерть одного революционера тысяча смертей буржуев»* [Бунин 2018: 98].

Важной составляющей указанного семантического поля является лексема «мертвый» (13 употреблений), нередко используемая в структуре метафор, она усиливает идею обреченности этого мира: *«мертвый, пустой порт», «мертвый, загаженный город», «мертвый вокзал», «вполне мертвая страна».*

Таким образом, основным полем ЯКМ революции в дневнике И.А. Бунина следует признать поле «смерть», в числе ядерных единиц отметим лексемы со значением «лишить жизни» (убить, умертвить, расстрелять и др.) и связанные с ними – «мертвый», «кровь», «кровоавый», далее – «состояние близкое к смерти или приближающее ее» (голод), к периферии можно отнести лексемы, представляющие цветовую палитру времени, ее атмосферу («мрак», «мрачный», «темный», «черный»), портреты героев эпохи («ужасающие», «отталкивающие»), поскольку легко устанавливаются ассоциативные связи: красный – у писателя символ смерти, мрачный и др. – лишенный жизни, ужасающие лица – лица людей, несущих смерть.

Звуковое поле дневника – это не просто многоголосие, это хаотическое, бессмысленное нагромождение совершенно разных голосов и звуков, в основе своей резких, неприятных и даже зловещих. Например, семантическое поле антропофононов – «звуков, издаваемых человеком» [Курашкина 2007: 79] представлено следующими лексемами: *голоса утробные, первобытные; дико-страстные вопли, рыдания; захрипел, захлебнулся от ярости; яростно заговорил; кричит, заикаясь, со слюной во рту; кричит на весь ресторан; на всю деревню кричит; кричит на разные лады, по-собачьи воет; мальчишки орут, как черти и др.*

Как видно из примеров, самая частотная лексема также из сферы характеристики нового человека – кричит (10 употреблений). Но и собственной семантики глагола – ‘говорить слишком громко’ [Ожегов 2018: 456] – оказывается недостаточно для воспроизведения звуковой картины времени, поэтому автор нередко прибегает к пояснению данной лексемы словами-распространителями с негативной коннотацией (ср., также: *с неестественными ударами кричит, со слезами кричать, хрипло кричали*), а также единицами, способствующими организации гиперболы (*кричали на всю улицу, закричали на весь мир*).

Показательна и гротесковая манера в изображении звукоферы эпохи: герои не только говорят, ругаются, кричат, они способны издавать буквально нечеловеческие звуки: *«Но Маяковский заорал пуще прежнего. И министр, сделав еще одну и столь же бесплодную попытку, развел руками и сел. Но только что он сел, как встал французский посол. Очевидно, он был вполне уверен, что уже перед ним-то русский хулиган не может не стушеваться. Не тут-то было! Маяковский мгновенно заглушил его еще более зычным ревом. Но мало того: к безмерному*

изумлению посла, вдруг пришла в дикое и бессмысленное неистовство вся зала: зараженные Маяковским, все ни с того ни с сего заорали и себе, стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и – тушить электричество» [Бунин 2018: 61].

Конечно, основными репрезентантами звуковой части картины мира традиционно являются единицы с семами 'звук', 'издавать звук'. Однако к этой сфере следует отнести и ряд единиц, представляющих собой отличительную черту языка героев изображаемого времени, поскольку за данными словами и выражениями закреплена вполне специфическая манера их огласовки. Речь идет о призывности и в известной степени агрессивности революционных лозунгов, обращений, песен. И.А. Бунин активно использует эту составляющую звукового фона революции, повышая тем самым степень интенсивности страшного многоголосия: «Все на защиту революции...; Товарищи, буржуазия глотает сейчас и тех, кто лежит сейчас в гробах и могилах; Свобода, братство, равенство, социализм, коммунизм!; Товарищи, берегите патроны пуце глаза...; Вставай, подымайся, рабочий народ!; Эй, яблочко, куда котишься»; «Кровью народной залитые троны мы кровью наших врагов обогрим» и др. [Бунин 2018: 11, 54, 71, 82].

В воспроизведении звукоферы революционной эпохи важна оппозиция «тишина – шум». Если наступление нового времени ознаменовано несмолкающим, будоражающим кровь, внушающим опасения и даже страх многоголосием, то картины уходящего в прошлое мира сопровождают лексемы «тишина», «молитва», «молебствие», что для автора, без сомнения, связано с представлениями о покое, защите, надежде: «В доме напротив нас молебствие, принесли икону «Нечаянной радости»; «И все-таки в саду чудесно, безлюдие, тишина»; «Сейчас опять идем в архиерейский сад, часто теперь туда ходим, единственное чистое, тихое место во всем городе» [Бунин 2018: 123-124].

Технофоны – звуки неживой природы – усиливают идею хаоса. Неодушевленные предметы посредством олицетворений, метафор и метонимии существуют у И.А. Бунина независимо от человека, что дополняет общую гротесковую картину современности: «Газеты зовут в поход на Европу», «...и жуткая ерунда; у нас весь день сам собой звонит, не умолкая, телефон, и из него сыплется огонь», «А телефон и нынче звонит – трещит, звенит и сылет красные огненные искры» [Бунин: 25-26].

Как и зрительная, звуковая картина в дневнике представляет собой фантазмагорическое смешение самых различных голосов: обрывки фраз, лозунги и революционные песни, брань, крики, плач и пр. Сознанию человека сложно постичь это, поэтому определяющим выражением для звуковой и образных сфер становится сочетание местоимения с неясной

семантикой «нечто» и прилагательных с общей семой 'производящий сильное, часто негативное впечатление': «нечто еще более ужасное», «нечто поразительное», «нечто непостижимое», «нечто дьявольское» – насчитывается около 10 примеров использования местоимения с различными распространителями.

Данные выражения во многом объясняют употребление в дневнике И.А. Бунина лексемы «ад» и единиц, близких отмеченной мифологеме. Они максимально точно, с позиции автора, определяют картину революционного мира, поскольку связаны с глубинными представлениями человека о существовании места, где наказаны грешники, это место неизвестно живым, но однозначно интерпретируется как нечто ужасное во всех верованиях. Например: «*В трамвае ад, тучи солдат с мешками – бегут из Москвы, боясь, что их пошлют защищать Петербург от немцев*» [Бунин 2018: 15]; «*творится черт знает что*»; «*Вчера ночью выдумал прятать эти заметки так хорошо, что, кажется, сам черт не найдет. Впрочем, черт теперь мальчишка и щенок. Все-таки могут найти, и тогда несдобровать мне*» [Бунин 2018: 63]; «*Но истинно Бог и дьявол поминутно сменяются на Руси*» [Бунин 2018: 113]; «*И все то же бешенство деятельности, все та же неугасимая энергия, ни на минуту не ослабевающая вот уже скоро два года. Да, конечно, это что-то нечеловеческое. Люди совсем даром тысячи лет верят в дьявола. Дьявол, нечто дьявольское несомненно есть*» [Бунин 2018: 103]; «*Каин России, с радостно-безумным остервенением бросивший за тридцать сребреников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью*» [Бунин 2018: 118].

Объяснение происходящему И.А. Бунина находит в утрате духовных ценностей, поэтому в тематическом поле «нравственность» преобладают следующие слова и выражения с отрицательной коннотацией, например: *не осталось ни Бога, ни совести; верят в дьявола; Каинова злоба; насквозь лживое; напыщенная ложь; лживость особая; словоблуды; кровожадность; умопомешательство*. Ср.: «*Лжи столько, что задохнуться можно. Все друзья, все знакомые, о которых прежде и подумать бы не смел как о лгунах, лгут теперь на каждом шагу. Ни единая душа не может не солгать, не может не прибавить и своей лжи, своего искажения к заведомо лживому слуху*» [Бунин 2018: 45]; «*И все злобно, кроваво донельзя, лживо до тошноты, плоско, убого до невероятия*» [Бунин 2018: 72]; «*Да и сатана каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство*» [Бунин 2018: 36].

Заключение.

Таким образом, картина революционного мира в дневнике И.А. Бунина получает вербализацию посредством ряда единиц, смысловые связи между которыми позволяют объединить их в тематические поля. Нами были выделены поле цвета, звука, внешности и поступков человека, ценностей.

В поле цвета отмечается преобладание единиц *темный, темнота, мрак, мрачный, грязный, красный, кровавый*. Составляющие поля «внешность и поступки человека» более разнообразны, но все они объединены наличием в семантической структуре компонентов *‘неприятные’, ‘ужасающие’* и в силу этого отрицательной оценкой. В звуковом поле представлены единицы, значение которых по преимуществу сводится к определению *‘издавать громкие, резкие, неприятные звуки’, ‘издавать нечеловеческие звуки’*. Ключевые лексемы поля «ценности» – *ложь, кровожадность, помешательство, безверие*.

Контекстуальный анализ употреблений отмеченных единиц позволяет говорить об их прямой семантической или ассоциативной связи с основным полем дневника – «смерть», представленным ядерными единицами «смерть» и «мертвый». При этом предельным уровнем обобщения можно назвать мифологему «ад», аккумулирующую в своем значении смысл других микрополей.

Библиографический список

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 300 с.

Бунин И.А., Розанов В.В., Шмелев И.С. Окаянные дни. Апокалипсис нашего времени. Солнце мертвых. М.: Мартин, 2018. 384 с.

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 04.01.2023).

Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141-172.

Курашкина Н.А. Семантическое поле «звук» как репрезентация звукоферы в языке (на материале английского, французского и русского

языков) // Вестник Башкирск. ун-та. 2007. №3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-zvuk-kak-reprezentatsiya-zvukosfery-v-yazyke-na-materiale-angliyskogo-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 26.12.2022).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 1360 с.

Самойлова Г.С. Проблемы языковой картины мира в научных исследованиях студентов Нижегородского государственного педагогического университета // Проблемы картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. 14-15 марта 2007 г. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. Вып 6. С. 281-286.

Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16.

References

Apresyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykoznanija. 1995. № 1. S. 37–67.

Baxtin M. M. E`stetika slovesnogo tvorchestva. Moskva: Iskusstvo, 1986. 300 s.

Bunin I. A., Rozanov V. V., Shmelev I. S. Okayanny`e dni. Apokalipsis nashego vremeni. Solnce mertvy`x. M.: Martin, 2018. 384 s.

Goncharova N. N. Yazykovaya kartina mira kak ob`ekt lingvisticheskogo opisaniya // Izvestiya TulGU. Gumanitarny`e nauki. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (data obrashheniya: 04.01.2023).

Klimkova L.A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoj kartine mira. Arzamas: AGPI, 2007. 394 s.

Kubryakova E.S. Rol` slovoobrazovaniya v formirovanii yazykovoj kartiny` mira // Rol` chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / otv. red B.A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1988. S. 141-172

Kurashkina N. A. Semanticheskoe pole «zvuk» kak reprezentaciya zvukosfery` v yazyke (na materiale anglijskogo, francuzskogo i russkogo yazykov) // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2007. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-zvuk-kak-reprezentatsiya-zvukosfery-v-yazyke-na-materiale-angliyskogo-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov> (data obrashheniya: 26.12.2022).

Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar` russkogo yazyka. M.: Izdatel`stvo AST: Mir i Obrazovanie, 2018. 1360 s.

Samojlova G.S. Problemy` yazykovoj kartiny` mira v nauchny`x issledovaniyax studentov Nizhegorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta // Problemy` kartiny` mira na sovremennom e`tape: Sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchnoj konferencii molody`x ucheny`x. 14-15 marta 2007 g. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NGPU, 2007. Vy`p 6. S. 281-286.

Shvedova N.Yu. Teoreticheskie rezul`taty`, poluchenny`e v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarem» // Voprosy` yazykoznanija. 1999. № 1. S. 3-16.